

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Предисловие к выпуску

Планируя издание настоящего тематического номера журнала, редакция обратилась к нашим потенциальным авторам с приглашением, текст которого приводим, опустив лишь технические детали:

«Приглашаем Вас, как одного из ведущих ученых в области уголовно-правовых наук, к опубликованию статьи в специальном выпуске журнала "Правовое государство: теория и практика", издание которого запланировано на март 2024 года (№ 1, 2024).

Главная тема номера сформулирована нарочито широко – "Сравнительно-правовые исследования в юридической науке". Под сравнительно-правовыми исследованиями редакция журнала здесь понимает:

- любые варианты сравнения законодательства и правоприменительной практики, а также научных исследований в разных государствах и в разных национальных правовых системах;*
- любые варианты сравнительного анализа аналогичных, сходных и противоположных правовых институтов внутри одной национальной правовой системы и даже внутри одной отрасли права;*
- исторический анализ развития и функционирования любых правовых институтов и любых социально-правовых явлений;*
- любые варианты межотраслевого сравнительно-правового анализа».*

Определяя тематику номера, мы исходили из буквального лексического значения двух слов – «сравнительное» (то есть основанное на сопоставлении принципиально сопоставимых объектов с целью выявления их сходств и различий) и «правоведение» (то есть наука о праве). Максимально широкое толкование словосочетания «сравнительное правоведение» позволило нам привлечь к участию в номере максимальное количество авторов со столь же широким кругом научных интересов.

Мы в полной мере отдавали себе отчет в том, что широкое толкование термина, ассоциирующегося у юристов-теоретиков уже не первый десяток лет с конкретной областью знания, именуемой также «правовой компаративистикой», или «сравнительным правом», может вызвать недоумение и даже протест у какой-то части рафинированных эстетов от науки, отстаивающих ее концептуально-терминологическую чистоту. Однако мы пошли именно на такое максимально широкое толкование того, что считаем правовой компаративистикой, причем не только и не столько в рекламных целях. Попытаемся сформулировать аргументы в пользу правомерности расширительного подхода.

Аргумент первый. Ни у одной отрасли знания нет монополии на использование общеупотребительных слов. Жизнь богаче любой из наук, и она сама может предложить иные условия употребления разных понятий и терминов. Возьмем на себя смелость утверждать, что практически вся научная терминология условна и подвижна во времени, важно лишь оговаривать условия ее ис-

пользования применительно к конкретному объекту исследования. Понятие «компаративистика» в теоретическом знании тоже изначально не имело отношения к праву и правоведению, однако юристы сочли возможным приспособить его к нуждам юридической науки. Всемирно известный швейцарский Институт сравнительного правоведения в Лозанне среди официально заявленных направлений исследований называет «внутреннее право», открывая почти безграничный простор для исследовательской фантазии.

Аргумент второй. Исторические исследования официально фигурируют в современных энциклопедических определениях сравнительного правоведения как области научного знания, что тоже неудивительно, поскольку никто из компаративистов-правоведов начиная с античных времен не обходился без исторического анализа правовых явлений. Историческое сравнение, например, системы уголовного процесса Российской империи, Советской России и современной Российской Федерации, формально, то есть по классической схеме, выглядит не как сравнительно-правовое исследование, а как исторический анализ развития одной национальной правовой системы. Однако фактически это совсем не так. В данном случае речь идет о сравнении трех разных национальных правовых систем. Первая из них, по хрестоматийной классификации Рене Давида, относится к романо-германской правовой семье, вторая – к социалистической, а третья – к тому новому варианту современной континентально-европейской правовой семьи, который существенно отличается от классической романо-германской семьи времен Российской империи. Если такой исторический анализ – это не сравнительное правоведение, то что это?

Третий аргумент касается межотраслевых юридических сравнительных исследований, в отношении которых можно сформулировать такой же риторический вопрос. Сравнение в рамках правовой системы одной страны условно сопоставимых процессуальных институтов (например, иска в гражданском и арбитражном процессе и обвинения, то есть уголовного иска, в процессе уголовном) по факту имеет для развития отечественной правовой системы гораздо большее значение, нежели анализ схожих уголовно-процессуальных институтов в других странах. Различия между самими этими странами по социально-экономическим, политическим, национальным, религиозным, историко-ментальным условиям развития нередко настолько существенны, что попытки копировать чужие, то есть иностранные, казалось бы, аналогичные и, на первый взгляд, более совершенные социально-правовые институты, оказываются куда менее продуктивными, чем использование опыта других процессуальных отраслей, накопленного в этой же стране на этой же социально-экономической и исторической почве.

Полагаем, что от расширения предмета сравнительно-правовых исследований, равно как и от расширительного толкования самого этого понятия, будет больше пользы, чем вреда. Соображения методологической и терминологической чистоты принимаются нами во внимание и достойны уважения, а главное – и они заслуживают обсуждения в публичном пространстве, к чему всех и призываем.

И.А. Гизатуллин, кандидат юридических наук, главный редактор журнала «Правовое государство: теория и практика»;

А.А. Тарасов, доктор юридических наук, профессор, член редакционной коллегии журнала «Правовое государство: теория и практика»